

УДК 82-65:821.161.1(091)
DOI 10.17223/18137083/53/5

Т. Б. Фрик

Томский политехнический университет

**«Мы и современники, и земляки, и друзья около сорока лет»:
особенности поэтики писем Н. М. Карамзина
к И. И. Дмитриеву^{*}**

Статья посвящена рассмотрению писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву в аспекте их поэтики. Методологической основой исследования послужило понимание дружеского литературного письма как гибридного жанра, сочетающего в себе фактуальный и фикциональный планы. В качестве текстообразующих признаков анализируемого эпистолярного комплекса выделены: мотив единства, совместности жизненного, эмоционального, нравственного опыта участников переписки, мотив родного края как идеального топоса дружбы, мотив старения. Определены специфические черты образов автора и адресата в разные периоды их переписки. Сделан вывод о том, что рассматриваемый эпистолярный комплекс представляет собой особое литературное и культурное явление, является отражением важнейших аспектов мировоззрения Н. М. Карамзина, включает самобытные элементы его поэтики и эстетики, демонстрирует их динамику в зависимости от жизненной и творческой траектории писателя.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, эпистолярный, поэтика, дружеское литературное письмо.

Более трехсот пятидесяти писем Н. М. Карамзина к его земляку, соратнику по творческому цеху и ближайшему другу И. И. Дмитриеву, охватывающие сорок с лишним лет их жизни, представляют собой уникальный комплекс эпистолярных текстов одного из ярчайших периодов развития русской литературы. Как известно, впервые они были опубликованы Я. Гротом и П. Пекарским в 1866 г. [Письма Карамзина, 1866], в дальнейшем выборочно переиздавались. В 2008 г. вышел двухтомник «Труды и дни Ивана Дмитриева» [Сукайло, 2008], в котором письма

^{*} Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00179.

Фрик Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент Института международного образования и языковой коммуникации Томского политехнического университета (пр. Ленина, 30, 634050, Томск, Россия; tfrik@tpu.ru)

Карамзина включены в хронику (чаще сами являются хроникой) жизни его друга и исторической, культурной, литературной жизни эпохи.

Редкая работа о Н. М. Карамзине обходится без обращения к данным эпистолярным текстам как к важнейшим источникам сведений о писателе, его окружении, литературном быте. Безусловно, только этим их значение не ограничивается. Еще П. А. Вяземский, давая оценку карамзинским письмам к И. И. Дмитриеву, отмечал их важность для раскрытия личности и творческой индивидуальности Н. М. Карамзина: «личность и задушевность выглядывают почти из каждого письма» [Вяземский, 2006, с. 85]; «любопытно и поучительно, перечитывая ныне эти письма, следить за ходом успехов писателя. Язык и слог его, а слог есть характер, есть нравственная личность писателя, совершенствовались с каждым годом» [Там же, с. 84].

Исследователями творчества Н. М. Карамзина освещены лишь некоторые аспекты поэтики его переписки с И. И. Дмитриевым 1780–1790-х гг.: поставлена проблема соотношения прозаического и поэтического начал [Сапченко, 2013], так же затронут вопрос о функции иронии в контексте данного эпистолярия [Терехина, 2013]. Совершенно оправданно карамзинские письма допетербургского периода рассматриваются в данных работах как «литературный факт, вырастающий до стихотворной переписки двух поэтов, лаборатория русской прозы и в тоже время человеческий документ» [Сапченко, 2013, с. 84]. Тем не менее проблему исследования писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву как единого эпистолярного комплекса нельзя считать исчерпанной, также требует более глубокого рассмотрения вопрос об их литературной природе (о литературной природе писем Н. М. Карамзина см. также: [Вацуру, 2006; Лазарчук, 1996]).

Дружеское литературное письмо в современной филологической науке определяется как гибридный, пограничный жанр, сочетающий в себе черты фактуального и фикционального текстов [Лаппо-Данилевский, 2013, с. 129]. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву являются ярким примером такого рода явления. Они представляют собой образец прозаического искусства писателя, в них отражена та самая подвижность живого карамзинского слова [Алпатова, 2012, с. 10], которой знаменита его проза, специфика созданной писателем повествовательной техники, эстетически оформленного процесса «общения», определяющего «бытие истинно просвещенной – т. е. автономной, свободной и сознающей свое достоинство личности» [Там же, с. 12]. Все это заставляет более пристально всмотреться в известные письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву с точки зрения поэтики, рассмотреть их как эстетически значимый факт.

Филологическая природа исследуемого эпистолярия специфична. Думается, основным отличительным текстообразующим фактором писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву является моделирование единства жизненного, эмоционального, философского, нравственного опыта участников переписки. Именно это определяет эпистолярное поведение автора писем, их мотивную, образную структуру, эмоциональную тональность. Единство как базовая категория эпистолярного общения последовательно творится Н. М. Карамзиным на протяжении всех лет переписки, оно выражается и в обозначении родственного отношения к адресату (*Пиши, милой друг мой и брат по любви к Музам!* [Сукайло, 2010, с. 66]¹), и в фиксации единства чувств и оценок (*Чувства наши к Нему согласны* (с. 515); *Ты говоришь: Я предупредил ответ твой; но этого предупреждения не знаю. По крайней мере вижу, что наши мнения согласны* (с. 550)), и в замечаниях о единстве жизненного опыта (*Вместе с тобою жалею о временах, когда мирно гуляла Фантазия в стихах и в прозе* (с. 419); *Как бы хотелось мне стоять у тебя*

¹ Далее в тексте статьи письма Н. М. Карамзина цитируются по данному изданию с указанием страниц в скобках.

за плечами и следовать глазами за твоим пером! Сколько случаев и людей нам обоим равно известны! (с. 577)). Важную роль в создании атмосферы единения играет постоянное использование местоимений «мы», «оба», а также «мой» при обращении Карамзина к своему другу.

Характерной чертой писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву является имитация непрекращающегося дружеского диалога, реального задушевного разговора, что также создает ощущение неразрывной связи между участниками переписки. В карамзинских письмах постоянно «звучит» голос друга в словах-цитатах из его посланий, в воображаемых Карамзиным ответах: *Меланхолические слова твои: старость, одиночество, все бедно и скучно, тронули меня до глубины сердца* (с. 323); *Ты говоришь о достоинстве Историографа: но историограф еще менее Карамзина (между нами будет сказано)* (с. 383); *Но ты жестокий человек скажешь: дела, дела, а не слова! И строгим взором заставишь меня молчать. Дела!..* (с. 120); *Ты говоришь о приятной погоде, о веселой комнате, о цветах, хотя упоминаешь об Экспедиторах; хотя жалеешь о своем Московском саде...* (с. 284).

Письма к Дмитриеву становятся тем пространством, в котором формируется карамзинский концепт дружбы. В посланиях допетербургского периода он находит особенно яркое воплощение в ряде сентиментальных моделей, в сплетении прозаического и поэтического начал (см.: [Сапченко, 2013]), словесной игре. В поздних письмах высказывания о дружбе приобретают философское звучание, дружба осмысливается как основа самостояния личности, как неотъемлемая часть жизни человека: *Стремлюсь душою вдаль от блестящего света, с которым у меня нет симпатии. Тем живее чувствую потребность Дружбы, истинной, старой и неизменной* (с. 382); *и от переезда в город... не находил времени и побеседовать с Дружбою* (с. 520). Не случайно именно в альбоме И. И. Дмитриева Н. М. Карамзин делает запись «О Дружбе» (12 сентября 1811 г.): *Вернейшая, приятнейшая спутница жизни для сердца благородного, чувствительного, от колыбели до могилы есть Дружба* (с. 249). Эти слова являются вербальным воплощением эстетических и философских основ переписки Карамзина с его адресатом.

Дружеские письма Карамзина демонстрируют сложное переплетение реальной жизни и художественного творчества. И здесь важны не сами элементы сентиментальной эстетики как таковые, а то, какую роль они играют в тексте письма, в пространстве которого фактуальный пласт содержания передается при помощи художественных средств. Так, ранние карамзинские письма к другу изобилуют сентиментальными клише, выраженными как в поэтической, так и в прозаической форме: *Но может быть пройдут тучи, хаос разделится и солнце проглянет – друзья Александры наши будут здоровы, а мы покойны и веселы!* (с. 71); *Вид сельской природы успокоит меня* (с. 72); *Старайся дать хороший оборот своему воображению, чтобы оно, вопреки Сентябрю, играло цветами* (с. 108). Природные образы занимают особое место в рассматриваемых эпистолярных текстах, безусловно, они определены сентименталистской эстетикой, для которой, как известно, характерны соотнесение пейзажа с душевным состоянием личности, идея большой роли природы в облагораживании человека, аналогия природы и человеческой жизни [Кочеткова, 1986]. В письмах природное «настроение» неизменно характеризует эмоциональное состояние как автора, так и его адресата.

Посредством пейзажных зарисовок Н. М. Карамзиным в письмах к И. И. Дмитриеву создается идеальный топос дружбы, локализованный в пространствах Москвы, Подмосковья, родного Симбирска, он включает в себе целый комплекс ценностных ориентаций, воплощает экзистенциальный смысл, становится отражением духовной связи автора и его адресата-земляка, символом их единства и непрекращающегося общения. Образ родного края в письмах к Дмитриеву

строится по векторному принципу: в его основе мечты об идиллическом будущем и воспоминания об идеальном прошлом, общие для обоих друзей: *Мне весело и вообразить это! <...> Летом жили бы мы в маленьком, чистеньком домике на высоком берегу Москвы-реки, в семи верстах от города, где я третьего году писал Дарования и стихи к верной, давно неверной. Место самое романтическое! Там бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсем холодные, вспомнив иное, засмеялись – вспомнив другое, вздохнули – и эхо рои засмеялось бы с ними, эхо рои вздохнуло бы с ними. <...> Гораций прославил Тиволи, а мы Самарову гору превратили бы в Руской Геликон* (с. 142). Картины родных мест в письмах Карамзина неизменно отличаются особой поэтичностью воплощения (не случайно автор так легко переходит к поэзии), лейтмотивной для них является мечта об идиллии совместного житья с любезным другом в родных для обоих местах: *...для свидания со мною приедешь в Симбирск. Мне очень, очень хочется видеть тебя, старого моего друга и сотрудника. Поживем вместе хотя несколько дней, там, / Где в первый раз открыл я взор...* (с. 77).

Излюбленный мотив сентиментальной литературы – восхваление сельской жизни, противопоставление ее жизни городской в карамзинском эпистолярном произведении в оппозиции Москвы и Петербурга. Москва воспринимается автором писем как дружелюбное, родное, провинциальное (*мыслим о возвращении в нашу добрую, хотя и Азиатскую Москву* (с. 411)), далекое от придворной жизни пространство дружбы: *Москву воображаю для себя уединением, оживляемым иногда беседою малочисленных друзей, старых, снисходительных, бескорыстных* (с. 419). Она противопоставляется блеску и неискренности Петербурга, в котором Карамзин постоянно чувствует себя чужим.

В поздних карамзинских письмах дружеская связь с адресатом актуализируется именно посредством образов родных мест. В лаконичных, чаще информативных письмах последних лет фрагменты, посвященные воспоминаниям о родных местах, вносят в эпистолярный поэтичную, меланхолическую ноту, оживляя образы прошедшего: *Последнее твое дружеское письмо, приятно меланхолическое, заставило меня слетать воображением на берег Волги, Симбирский Венец, где мы с тобою, геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца. Да, мы были тогда молоды, а теперь стары; но беды нет: все хорошо в свое время. И мы старики имеем свое будущее, настоящее и прошедшее: тем лучше, что молодые люди нам не завидуют* (с. 570); *Места все те же, но мы смотрим на все уже другими глазами. Любезный Симбирск, Волга, Свяга!* (с. 627). Эти поэтические и одновременно печальные картины, воспоминание, сожаление о прошедшем становятся в поздних письмах своеобразной скрепой, питательной средой для эпистолярной дружбы.

Стоит отметить, что образ родного пространства, культивируемого в рассматриваемых письмах, оказался чрезвычайно продуктивным для развития русской прозы вообще и эпистолярной в частности (см., например, письма В. А. Жуковского к А. П. Елагиной) и во многом воплотил тип русской культуры XIX в.: «Мотив “родного” края аккумулировал в себе важнейшие проблемы русской жизни и эстетики. Воссозданная в письмах атмосфера дома, семьи, культуры... делает письма важнейшим документом, отражающим процесс формирования типа личности русской дворянской интеллигенции середины XIX века» [Жилякова, 2009, с. 645].

Одним из сквозных мотивов переписки Карамзина и Дмитриева является мотив старения, который входит в ряд меланхолических мотивов его переписки (об этом см. также: [Фрик, 2015]). В письмах к другу он становится воплощением единства жизненной траектории ее участников, а штамп *твой друг до смерти* (с. 82) – философским символом вечной дружбы. В ранних письмах в основе мотива смерти лежит игровое начало, так, например, поздравляя друга с днем рож-

дения (Дмитриеву исполнилось 27 лет), Н. М. Карамзин напишет: *Сожалею о твоей дряхлости. Ныне у тебя после обеда буду* (с. 40). В более поздних письмах данный мотив приобретает этико-философское звучание, становится воплощением ценностных смыслов: *Время для меня дорого: склоняюсь к старости* (с. 323); *Я ничего уже не хочу, уже приближаясь к старости. <...> Мне гадки лакеи, и низкие честолюбцы и низкие корыстолюбцы* (с. 384); *Для человека в наших летах счастье есть отсутствие зол, а мудрость житейская – наслаждаться всякий день, чем бог пошлет* (с. 407). Закономерно, что в реализации данного мотива важную роль играет все та же идея дружеского единения, совместности: *Будем поддерживать друг друга в преклонных летах* (с. 367); *Оба стареемся, но оба будем тверды* (с. 361); *Ты, любезнейший друг, жалуешься на действие старости: очень, очень понимаю тебя, вместе с тобой двигаясь к цели* (с. 536).

По справедливому замечанию С. М. Шаврыгина, «Н. М. Карамзин олицетворил новый тип мироощущения, новый тип личностной структуры, художественного поведения, трансформации человеческого опыта в структуру литературного текста» [Шаврыгин, 2014, с. 127]. В карамзинских письмах, так же как и в художественных произведениях вообще, реальные адресат и адресант корреспондируют с их эпистолярными образами. В поздних письмах Н. М. Карамзин дает емкое определение характеру своих взаимоотношений с И. И. Дмитриевым: *Мы и современники и земляки и друзья около сорока лет* (с. 591), *мы – братья-соученики* (с. 592), закрепляя тем самым образную структуру эпистолярия. Анализ всего комплекса писем показывает, что, несмотря на различные обстоятельства, даже на охлаждение реальных отношений между друзьями (об этом см.: [Лотман, 1987]), на протяжении всей переписки Карамзин сохраняет эти образы, выстраивает в соответствии с ними свою эпистолярную стратегию.

Переписка 1780–1790-х – это общение друзей-поэтов, в котором письмо рассматривается как особая художественная задача. В этом смысле сам эпистолярный текст становится элементом образной характеристики автора и адресата, фиксирует используемые ими принципы оформления письма. Показательны оценки, даваемые Карамзиным как содержанию, так и форме собственных писем: *Вот, что я выписал из одного Китайского журнала и что пришлось на заданные тобой рифмы* (здесь и далее выделение наше. – Т. Ф.), *любезной мой друг Иван Иванович!* (с. 141); *Люди, люди! Что вы и чем хотите казаться?.. видишь, мой друг, что я подделываюсь под тон письма твоего!* (с. 100). Любопытно в контексте разговора о литературности дружеского эпистолярия Н. М. Карамзина сравнить фрагменты писем от 2 июня 1793 г. и от 20 сентября 1798 г., информационным поводом для которых явилось обсуждение издательских планов: *твоего чижика посажу в чистую клетку, к двум или трем разноцветным, маленьким птичкам, которые, видя мрачность неба, не хотят лететь на волю и сидят прикорнувши в маленьком своем домике, ожидая красного дня, когда грация Аглия собственной рукою отворит им дверцы* (с. 72); *Я долго не отвечал на письмо твое для того, что хотел отвечать стихами; но по сию пору не собрался. Свежих стихов нельзя писать без углубления в самого себя, а меня что-то не допускает продолжительно заниматься своими мыслями. <...> Ты спросишь: о чем я хотел писать тебе в стихах? Об Аонидах. Теперь скажу прозой, что совсем еще не оставил намерения выдать 3-ю книжку...* (с. 135). Очевидно, что первый отрывок имеет откровенно фикциональную природу, отражая процесс поэтизации прозы за счет эвфемистичности, использования природных образов, характерных для чувствительной поэзии, специфического синтаксиса, затемнения фактуального содержания. Второй фрагмент, более поздний по времени написания, интересен наличием метатекстовой составляющей, демонстрирующей процесс смены авторской дискурсивной стратегии, ее объективацию, определенную изменением жизненных установок и приоритетов Н. М. Карамзина. Таким образом, карамзин-

ский эпистолярный отразил характерную для культуры сентиментализма рефлексию по поводу эстетической природы создаваемого текста, его «литературности» [Сурков, 2012].

Начиная с 1797 г. в связи со служебными успехами И. И. Дмитриева содержание образа милого друга в письмах расширяется и неизменно связывается Карамзиным с занимаемой адресатом должностью: *мой любезнейший Академик, Обер-Прокурор, Статский советник* (с. 124); *мой любезнейший Действительный Статский Советник!* (с. 137); *Мой любезнейший кавалер св. Анны* (с. 143) и др. Важно, что в письмах Карамзина указание на статус превращается в сложный по своему содержанию образ-символ. Государственная служба ассоциируется с холодом чувств, в русле сентиментальной традиции она воплощается в зимних образах, символизирующих нечувствительность. Занятость и деловитость противопоставляется идиллической частной жизни в дружбе и любви и воплощается в ироническом образе делового господина, которому обиженный автор пеняет на дружеское невнимание: *Дружба твоя, кажется, не простывает от сенатских дел* (с. 126); *Как лето было жарко, так зима холодна. Вы, деловые господа, менее нашего чувствительны к действиям природы* (с. 138); *Однакож надеюсь, что лед приказных дел не превратит в лед твое сердце; теперь же и весна наступает* (с. 142).

Вместе с тем высокое статусное положение друга в письмах Карамзиным связывается с эталонным образом человека, находящегося на государственной службе, а соответственно, и с идеей служения Отечеству, с размышлениями о роли личности в истории, которые очень важны для понимания карамзинской историософии. Отсюда и частые пожелания И. И. Дмитриеву быть здоровым и трудиться на благо государства, и выражение уверенности в том, что министр юстиции может поступать только честно и благородно, и сожаление об отставке друга в более поздних письмах: *Жалею, что ты оставил службу, в которой я, по любви к отечеству и Государю, хотел бы видеть всех умных и честных людей* (с. 291). Примеры апелляции Н. М. Карамзина к другу-прокурору, статскому советнику, министру фиксируют поведенческие и нравственные принципы автора писем, которые, что очень важно, приписываются им и адресату: *Но вы, деловые люди не очень входите в просьбы и скоро забываете... и ты, Брут? О себе просить я никого не хочу, ни самых тех, которые уверяют меня в отменной благосклонности – ни самых даже друзей моих* (с. 132); *Итак – в угождение не мне, а собственным твоим правилам – ты обойдешься с ним приветливо* (с. 244).

Карамзин стилистически и содержательно разграничивает свое эпистолярное общение с министром, статским советником и милым другом. К другу-министру он чаще всего обращается опосредованно, используя местоимение второго лица множественного числа, он часто противопоставляет себя придворной касте, дистанцируется от нее, это обычно становится сигналом осуждения, маркером официальности отношений либо, напротив, частного, а значит, чувствительного характера ситуации: *Даже и Decoret не соблюден Вашим Превосходительством* (с. 149); *А вам Министрам люди надобны* (с. 221); *Не как Министру и придворному, а как другу скажу тебе, что я искренно и бескорыстно люблю великую княгиню* (с. 249). Однако, несмотря на противопоставление Карамзина всему придворному, в его письмах к И. И. Дмитриеву особо показательными являются фрагменты, в которых подчеркивается моральное, нравственное единство автора и адресата, согласие их чувств, иллюстрирующее особо близкую Н. М. Карамзину просветительскую идею человечности, благородства власти: *Ты Министр, а я смею назвать тебя патриотом: пользы наши сходятся, так как и наши сердца в дружбе* (с. 247).

Интересно в этой связи то, что одним из частых коммуникативных поводов писем к И. И. Дмитриеву становится просьба о помощи в решении проблем, воз-

никающих у близких либо просто знакомых Карамзина (бедная старушка-секретарша Шарапова, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин и мн. др.). Безусловно, знаковым является сам характер этих просьб, основанных на заботе о благе другого, благе государства, защите справедливости, пусть даже ценой собственных потерь. Так, например, рассказывая о деле дворянки, приговоренной к каторжным работам, Карамзин напишет: *Честь Дворянства сохранена; но некоторые не возлюбили меня, а другие разлюбили. Бог с ними и со всеми!* (с. 426). Таким образом, И. И. Дмитриев оказался вовлечен в филантропическую деятельность Карамзина, явившуюся отражением идеи русской всечеловеческой отзывчивости, актуальной для мировоззрения поздних масонов и активно развивающейся в культуре XIX в. (см.: [Янушкевич, 2012, с. 109]), она стала органичным элементом общего эпистолярного «поведенческого текста» двух друзей.

Таким образом, письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, безусловно, необходимо рассматривать как самоценное литературное и культурное явление, звено так называемого карамзинского дискурса, их анализ позволяет определить важнейшие аспекты мировоззрения художника, самобытные элементы его поэтики и эстетики, их динамику в зависимости от жизненной и творческой траектории писателя. Карамзинские письма становятся примером того, как в эпистолярном тексте отражается и переосмысливается литературная традиция, как эксплицируется динамика формально-содержательных поисков самого автора, которые станут основой дальнейших литературных опытов его последователей.

Список литературы

- Алпатова Т. А.* Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 43 с.
- Вацууро В. Э.* Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 7–24.
- Вяземский П. А.* Письма Карамзина // Карамзин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 82–86.
- Жилякова Э. М.* Переписка А. П. Елагиной и В. А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века // Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиляковой. М.: Знак, 2009. С. 633–665.
- Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // XVIII в. Сб. 15. СПб.: Наука, 1986. С. 70–96.
- Лазарчук Р. М.* Переписка Н. М. Карамзина с А. А. Петровым (К проблеме реконструкции романа в письмах) // XVIII в. Сб. 20. СПб.: Наука, 1996. С. 135–143.
- Лаппо-Данилевский К. Ю.* Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // Пути развития русской литературы XVIII века. СПб., 2013. С. 121–153.
- Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 254 с.
- Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. 708 с.
- Сапченко Л. А.* Поэзия и проза в письмах Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву // Карамзинский сборник: Наследие Н. М. Карамзина и современное состояние российской науки и культуры: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 3–4 дек. 2013 г. Ульяновск: Арт-Бюро, 2013. С. 84–89.
- Сукайло В. А.* Труды и дни Ивана Дмитриева: В 2 кн. Кн. 1: Хроника. Ульяновск: Обл. тип. «Печатный двор», 2008. 944 с.
- Сукайло В. А.* Труды и дни Ивана Дмитриева: В 2 кн. Кн. 2: Хроника. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. 960 с.
- Сурков Е. А.* Рефлексия «литературности» в русской сентиментальной повести // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 23–33.

Терехина А. А. Функция иронии в письмах Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву // Карамзинский сборник: Наследие Н. М. Карамзина и современное состояние российской науки и культуры: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 3–4 дек. 2013 г. Ульяновск: Арт-Бюро, 2013. С. 90–94.

Шаврыгин С. М. Особенности художественного мироощущения Н. М. Карамзина // Карамзинский сборник: Наследие Н. М. Карамзина и современное развитие российского общества. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 2014. С. 127–129.

Фрик Т. Б. Элегические мотивы в письмах Н. М. Карамзина // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 159–168.

Янушкевич А. С. Эпистолярный В. А. Жуковского как отражение и выражение литературного быта его времени // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 2 (18). 106–119.

T. B. Frik

**«Both of us are contemporaries, fellow-countrymen, and friends for about forty years»:
the features of the poetics of N. M. Karamzin's letters to I. I. Dmitriyev**

The paper is devoted to considering N. M. Karamzin's letters to I. I. Dmitriyev in the aspect of their poetics. Serving as the basis for the research was the understanding of the friendly literary letter as a hybrid genre combining factual and fictional planes. Differentiated as text-building features of the analyzed epistolary complex are: motive of unity and compatibility of vital, emotional and moral experience of the participants of the correspondence; motive of the native land as an ideal topos of friendship; motive of aging. Determined are the peculiar features of the images of the author and addressee at different periods of their correspondence. The conclusion is drawn that the epistolary complex under consideration represents a special literary and cultural phenomenon, is the reflection of the major aspects of N. M. Karamzin's world outlook, includes original elements of his poetics and an esthetics, and shows their dynamics depending on the writer's vital and creative trajectory.

Keywords: N. M. Karamzin, I. I. Dmitriyev, epistolary, poetics, friendly literary letter.

DOI 10.17223/18137083/53/5